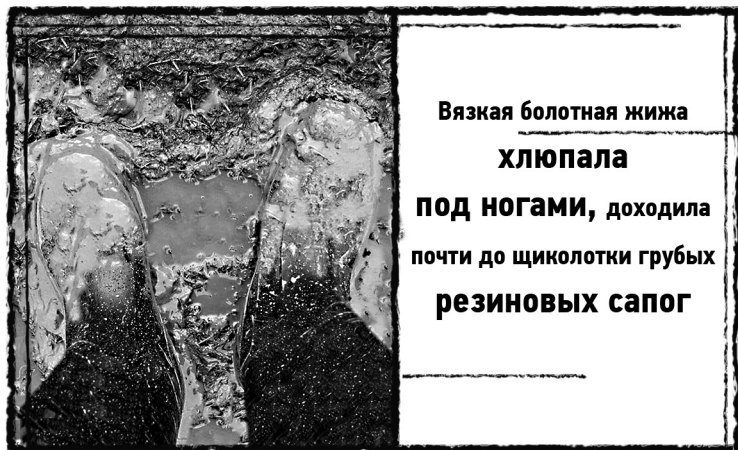

—• РЕТРОДЕТЕКТИВ •—

**ИРИНА
ЛОБУСОВА**

**ЗМЕЙ
СВАРОГА**

Харьков
«ФОЛИО»
2020

**Вязкая болотная жижа
хлюпала
под ногами, доходила
почти до щиколотки грубых
резиновых сапог**

ГЛАВА 1

*Село Чобручи, левый берег Днестра,
25 марта 1940 года*

Камыши остались за спиной почти сразу, как только он изменил направление. Несколько шагов вперед вдоль едва различимой тропы — и их острые наконечники остались за спиной как сломанные копья судьбы. Впрочем, с каждым днем о своей судьбе ему хотелось думать все меньше и меньше.

Вязкая болотная жижа хлюпала под ногами, доходила почти до щиколоток грубых резиновых сапог, с которыми он не расставался ни днем, ни ночью. На самом деле эти сапоги были ему отвратительны. Он, тонкий светский человек, любивший дорогие вещи, изысканные вина, элегантные духи, шелковое по-

стельное белье, был вынужден жить в каком-то хлеву, с чавкающей болотной жижей под ногами. И вместо элегантной обуви таскать эти отвратительные сапоги — то резиновые, то кирзовые, в зависимости от обстоятельств. К кирзовым прилипали комья навоза, когда он ходил по селу. И если б не долгие годы тренировок, научившие подавлять в себе все человеческие чувства, он выдал бы себя в тот же самый первый момент, когда увидел эти отвратительные сапоги. Сапоги, которые были неотъемлемой частью его цели.

Впрочем, дело было не только в них, а еще в километрах разбитых дорог и в той цели, которая всё гнала и гнала его вперед, лишая покоя, заставляя менять судьбу, отказываться от привычных удобств и жертвовать своей жизнью. Иногда по ночам ему казалось, что он превращается в какой-то железный механизм и словно заживо покрывается чудовищным панцирем, какой-то крокодилей кожей. Это осознание приходило к нему в ночных кошмарах, ввергающих в ледяной пот отчаяния, живым — человеческим — чувством, терзающим его душу.

Тогда, чтобы избавиться от этих кошмаров, он стал заполнять ночи таким же живым теплом тела женщины — все равно какой. До тех пор, пока не понял, что от собственной неразборчивости скатывается в еще большую пропасть. Живой человек рядом не помогал. Оставалось только жить приближением к той цели, высчитывая часы и дни, уговаривая себя, что остаются считанные дни мучений, а значит, не придется терпеть больше.

Хуже всего были эти переходы по ночам. Как он боялся в те первые дни — до спазм, до пота! Панически боялся заблудиться, не найти дорогу в камышах, утонуть в Днестре, захлебнуться в черной зловонной жиже у берегов, кишасей пиявками и змеями... Узкие, остролистые стебли камыша представлялись ему палачами, обнажившими оружие для свершения мучительной казни. А от этого шороха камышей по ночам волосы на его голове вставали дыбом.

Он отчетливо запомнил ту первую ночь, когда сам, без проводника, впервые пошел к тайнику, положившись на собственную интуицию и сноровку. И как он заблудился почти сразу, а потом совершил абсолютно непростительный поступок — и для его дела, и для его жизни: заблудившись, он впал в панику и потерял над собой контроль, услышав зловещий шорох среди камышей. Пытаясь понять причину шороха, он раздвинул камыши голыми руками, порезав при этом их острыми стеблями осоки. А дальше — совершил то, что было запрещено: дрожащими пальцами достал из прорезиненной ткани плаща крошечный фонарик и включил его — на всю мощь.

Острые лучи света прорезали окружавшую его тьму и разделили ее на две части, высветив застывшие в воде камыши. И там, где жижа представляла собой грунт чуть более твердый, вдруг мелькнуло черное извилистое устрашающе гибкое тело змеи... Оно скользнуло среди камышей и снова издало тот пугающий, растревоживший всю его душу звук...

Шорох заставил нарушить инструкцию и включить фонарик, а это был почти смертный приговор в сплошной темноте, на земле, которая просматривалась румынами.

Змея, он уже понял, что это была змея, тоже замерла, словно прислушиваясь к истерическим спазмам его дыхания. Конечно, так быть не могло, он прекрасно знал, что змеи глухие. Но все-таки это в глухой ночи выглядело устрашающе. Может, она почувствовала колебания воздуха, особый жар отчаяния, ярости или страха, исходящие от его тела, или же энергии — чужеродной и враждебной в этих камышах. На мгновение змея замерла, явно почувствовав его присутствие, а затем, извернувшись всем своим отвратительным телом, быстро ускользнула прочь, в темноту...

Он замер от ужаса и отвращения. С самых ранних лет он больше всего на свете боялся змей, считая их порождением чего-то дьявольского... ну... извращенного. Будучи человеком нерелигиозным, уже в зрелые годы, во время курса научного атеизма в институте узнал, что в христианстве змея считается признаком первородного греха, порождением дьявола и сатанинским отродьем. Он буквально поразился тому, как точно восприняла его душа этот темный смысл древних легенд, пришедших из таинств воплощенного ужаса. С тех пор он еще больше возненавидел змей. И даже в зоопарке, давно, в прошлой жизни, когда гулял со своим маленьким сыном, обходил стороной вольеры террариума, где содержались змеи.

Но он никогда не видел змей так близко. Это было впервые в его бурной, опасной жизни. И он хорошо запомнил то чувство ужаса, охватившее его с головой, от которого хотелось бежать прочь, не разбирая дороги... И только колоссальным усилием железной воли он заставил себя оставаться на месте и прочь гнать панику. Прочь — туда, где ломаются слабаки, а не люди, своей волей способные противостоять целым империям.

После этого он еще несколько раз видел в камышах змей. И каждый раз они замирали при его появлении, а потом бросались от него. И все это время, раз за разом, он по-прежнему испытывал жуткое чувство — смесь ужаса и отвращения, а потом нечеловеческим усилием воли заставлял себя двигаться вперед, осознавая, что никогда не сможет привыкнуть к этому жуткому зрелищу...

Здесь, на левом берегу Днестра, в камышах было полно змей. До румынского Тирасполя было всего 22 километра, и близость границы с Румынией делала эти места невероятно опасными. По сравнению с этой реальной опасностью неядовитые змеи Днестра казались всего лишь детской игрушкой. А потому он больше не рисковал собственной жизнью и не включал фонарик — предпочитал двигаться на ощупь, среди этих ужасных змей, в темноте, а не становиться отличной мишенью для румынского снайпера, подставляя не только свою голову, но и общее дело, ради которого терпел столько лишений.

Где-то на третью ночную вылазку в камышах он сумел отчетливо запомнить эту обманную тропу,

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	3
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	78
Глава 7	90
Глава 8	105
Глава 9	121
Глава 10	135
Глава 11	150
Глава 12	164
Глава 13	179
Глава 14	194
Глава 15	209
Глава 16	223
Глава 17	238
Глава 18	256
Глава 19	271
Глава 20	285

Глава 21	298
Глава 22	311
Глава 23	324
Глава 24	338
Глава 25	355
Глава 26	370
Глава 27	385